

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

Анна УРЮПИНА

«УМОЛЯЕМ НЕ ВОЗВРАЩАТЬ»

*О послевоенной русской эмиграции
1940 — 1950-х гг.*

В послевоенные годы географически как раз мир и как раз «русского раскаяния» подверглись сильной «перекройке»¹. В годы войны фактически перестало существовать русское диаспорное Прибалтике, вошедших в состав СССР в 1939 г., и в Китае. Это стало вилкой некоторых бывших переселенцев из России пережить «повторную эмиграцию»². Тогда же в восточной Европе и на территории Германии осело большое количество новых советских беженцев и военнопленных, многие из которых до войны

¹ Витковский Е. *Возвратившийся ветер* // «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990. М., 1997. Т. 1. С. 23.

² Так произошло с поэтами Игорем Чинновым и Юрием Иваском, семьи которых жили в Прибалтике, и поэтом Валерием Перелешиним, вынужденным перебраться из Китая в Бразилию.

успели пройти через ст линские л геря. Одновременно внутри сообществ первой, послереволюционной волны эмиграции все более явно ощущалась смена поколений. Как следствие в эмигрантской литературе и периодике тех лет возникла заметная разногласия. С одной стороны, продолжали активно работать представители предыдущего поколения первой волны (И. Бунин, А. Ремизов, Б. Зайцев, В. Н. Боков, Г. Адмович, И. Одоевцев, Г. Гздов и др.); с другой — среди них появился целый плеяд новых русскоязычных авторов (Л. Ржевский, Б. Филиппов, И. Елгин, Д. Кленовский, Н. Моршен, О. Анстей, В. Синкевич, В. Мрков, И. Буркин, Ю. Иваск, И. Чиннов³ и др.). Новые эмигранты совпали по возрасту с представителями младшего поколения первой волны, детьми «старых» эмигрантов. Их судьбы были схожи. И те, и другие «покупали» «приволье поэтом», днем работали «на заводах, мельницах, мойщикам стекол, конторскими служащими и шоферами»⁴. Тем не менее, никакого смешения волн в зарубежье не произошло. Более того, писатель и публицист Владимир Вршровский тогда отмечал глубокую пропасть между новыми советскими беженцами и «эмигрантскими сыновьями»⁵, не преодолимое различие их жизненного и духовного опыта, словно эти люди «родились не в этих местах, под другим воздушным давлением»⁶. Если первые, едва «вырвавшись», «из-под власти экспериментов тотальной социализации всей жизни»⁷, были полны энтузиазма, то вторые (Д. Кнут, Б. Поплавский, А. Штейгер, Б. Вильде, А. Левицкий, Г. Гздов и др.) остро переживали отсутствие читателя и собственную неостребованность и «устрашенность»⁸, ощущая себя лишними людьми.

³ Ю. Иваск причислял себя и И. Чиннова ко второй волне. См. интервью Ю. Иваска в книге Дж. Глэда «Беседы в изгнании». М., 1991. С. 32.

⁴ Терапиано Ю. Русская зарубежная поэзия // Встречи. 1926 – 71. С. 254.

⁵ Варшавский В. Незамеченное поколение // Русский Париж. М., 1998. С. 375.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

В р нние послевоенные годы большинство новых русских «невозвр щенцев» было сосредоточено в т к н зыв емых л герях «дипишников» (из нгл. яз; DP — “displaced person”, т.е. «перемещенное лицо») нед леко от Мюнхен . Здесь были и военнопленные, «спр ведливо оп с вшиеся возвр щения домой», и «молодые люди, вывезенные с оккупиров нных ф шист ми территорий в Герм нию (в к честве дешевой р бочей силы)», и н стоящие перебежчики, «созн тельно вст вшие н путь борьбы с советским тот лит ризмом»⁹. В этих л герях ок з лись и пис тели Борис Филиппов и Никол й Н роков, т кже поэты Ив н Ел гин, Никол й Моршен, Ольг Анстей, В лентин Синкевич и мн. др.

В целом л герн я жизнь был весьм небл гополучн : бетонные корпус или к з рмы, в которых содерж лись «перемещенные беженцы-отверженцы»¹⁰, ютились по окр ин м «всп х нного дин митом»¹¹ город . З ключенное 11 февр ля 1945 г. между СССР, Великобританией и США Ялтинское согл шение о вз имном возвр щении «ди-пи» привело к тому, что «перемещенные лиц » н ч ли м ссо-во терять и подделыв ть свои документы (т к, И. М твеев ст л И. Ел гиным¹², отец и сын М рченко — Н. Моршеном и Н. Н роковым, Б. Филистинский — Б. Филипповым и т. д). Н строения пленников весьм верно отр зились в с мизд товской «Дипилогической збуке» Ирины С буровой, экземпляр которой стоил п чку сиг рет¹³:

«Е — ех ть. Некуд (пок что).

Ж — жизнь. Предмет, о котором з ботятся, пок его имеют (в отличие от денег). Жизни у ди-пи нету.

З — з нятия. З ним ют друг у друг небольшие суммы в

⁹ Агеносов В.В. *Литература Russkogo Zарубежья*. М., 1998. С. 383.

¹⁰ Елагин И. *Беженская поэма* // *Собр. соч. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 248-249.*

¹¹ Там же.

¹² Новые фамилии часто возникали совершенно неожиданно. Например, И. Елагин (Матвеев) случайно во время вопроса о своей фамилии увидел на стене репродукцию Елагина моста.

¹³ Витковский Е. *Состоявшийся эмигрант* // Елагин И. *Собр. соч. Т. 1. С. 22-23.*

долг без отдачи (большие получить труднее). В современном м. шт. без ним ют целые стр. ны. Чей это долг — неизвестно, а счет отдачи поется в одной персидской песне: «От гр. ниц до Тегер — три дня пути, от Тегер — н до гр. ницы горздо больше...»

М-м-м-м — ответ ди-пи на вопрос комиссии, кто он такой. «Я, собственно говоря, югослав, но родился в Литве, проживал до 38 год в Румынии, по национальности и религии — шт. тенлос, польский подданный. Из иностранных языков, кроме русского, р. зумею украинский». Комиссия обычно м. ло вр. зумляется. Н. стоящих людей нету.

Н — нет документов. Никких. Один из наиболее характерных особенностей ди-пи.

Р — Родина. Не д. утр той ее пролито немало горьких слез, но дипилогическое объявление о потере гласит так: «Потерян горячо любимая родина. Умоляем не возвращать»¹⁴.

Позднее поэт Иван Елагин также описал это время в своей «Беженской поэме» (1986):

*Угрожают выдачи!
Нансеновским паспортом
Запасайся — иначе
Попадешься аспидам!*

*Чтоб избежать жребия
Этого проклятого, —
Вру, что жил я в Сербии
До тридцать девятого,*

*В эти дни преступные
Дышит все подделкою —
И подделкой крупною,
И подделкой мелкою...*

*Девушка учтивая,
Перышком поскрипывай
И печать фальшивую
Ставь на справке липовой!*¹⁵

¹⁴ Там же.

¹⁵ Елагин И. Указ. соч. Т. 2. С. 251.

В результате численность этой вновь обретенной «русской диаспоры» до сих пор точно не установлена. По свидетельству историк В. Кабузан, «всего немцев во время войны было вывезено для работы в Германию 4 млн. человек» (включая страны СНГ)¹⁶; согласно же немецким архивам в плену у немцев находилось примерно 5,7 млн. военнослужащих Красной армии¹⁷. Сложность оценки численности и состава «этнической волны» объясняется тем, что она оказалась «не в фокусе»: с одной стороны, среди литераторов, попавших за рубеж, «не было крупных литературных имен», с другой — долгое время «имело место явное желание забыть о факте невозвращенчества и насильственной репатриции»¹⁸. В СССР этот эпизод истории оценивался как позорный для страны и сознательно утаивался; с нами же беженцы и военнопленные из стран последующих репрессий почти до конца жизни скрывали факты своей биографии.

И все же, несмотря на отсутствие подходящих условий, в лагерях «ди-пи» царила весьма жизнеутверждающая атмосфера. Здесь достаточно быстро налазилась внутренняя литературная деятельность. Авторы-«невозвращенцы», ранее почти не имевшие никакой возможности печатать свои произведения, несли активно «издавать» созданные вручную книги. Вскоре в Мюнхене возникли различные организации, поддерживавшие и объединявшие русских эмигрантов, такие, как Национально-трудовой Союз и Центральное объединение политических эмигрантов из СССР, Институт по изучению истории и культуры СССР. Зарботили русскоязычные радиостанции. Кроме того, в 1946 г. в городе начал выходить журнал литературы, искусств и общественной мысли «Грани», главным редактором которого в 1952 — 1955 гг. стал известный ученый-лингвист и писатель Леонид Ржевский (настоящее имя — Суржевский). Являясь ярким противником тоталитаризма, он от-

¹⁶ Кабузан В. *Русские в мире*. СПб., 1996. С. 233.

¹⁷ *Эмиграция и репатриация в России*. М., 2001. С. 73.

¹⁸ Бобышев Д. *Метафоры-мутанты или Memento mori (О стихах Игоря Чиннова)* // *Звезда*. 1992. № 3. С. 169.

¹⁹ Синкевич В. «...с благодарностью: были». М., 2002. С. 107-108.

крыто выступил с обличениями официальной советской идеологии и социологического реализма к художественного метода. Весьма красноречиво об этом свидетельствуют уже с нами знавшая большинство его работ, статьи и очерков 1949 – 1951 гг.: «Язык и тотализм», «Живое и мертвое слово», «Надсмотрщики. По страницам советской прозы», «Земля великих традиций», «Светофоры на путях советского языкознания», «Земля печальный язык», «Обреченные: О литературе — лауреат Сталинской премии» и т.д. Ржевский был уверен, что традиция современного советского литературного языка заключалась в потере свободы. В докладе «Национальная культура и эмиграция», прочитанном на расширенном совещании издательства «Посев» 7 – 12 сентября 1951 г. в Лимбурге, он призвал русскую эмиграцию не оставаться равнодушной к этой проблеме, настаивая на том, что эмиграция не должна преодолеть незнание родины, повернуться к ней лицом, поскольку незнание, непонимание происходящего так позорно для эмигранта, считающего себя эмигрантом политическим. Другими словами, он отвел русской эмиграции важную роль в сохранении национальной самоидентичности и культуры, считая, что она должна представлять национальную культуру за рубежом и бороться за ее будущее.

Эти призывы не остались пустыми лозунгами. В те годы главным источником стала одной из центральных доминант писательского и читательского сознания. В важнейшем направлении литературной и издательской деятельности эмигрантов второй волны, действительно, был не только печатание собственных сочинений, но и публикация и переиздание ценных в СССР книг и произведений. Беженцы с первых дней эмиграции несли интенсивно работать над популяризацией русской литературы за рубежом. Одним из главных популяризаторов стал писатель и издатель Борис Филиппов. Первый же составленный им за рубежом сборник назывался «Советская поэзия — музыка» (1961) и включал в себя стихи советских поэтов, написанные не для печати. Позднее, уже в Америке он отредактировал и переиздал за рубежом собрание сочинений М. Волошин, Н. Зубоцкого, Е. Змятин, Б. Пастернак, М. Шкловской, а также отдельные произведения Г. Адамович, Н. Аржак, М. Зощенко, К. Леонтьев, Б. Нериссов, А. Ремизов, Ю.

Терпи но, А. Терц, О. Форш и некоторых др.
Тем грядущей ответственности стал центром и в творчестве с тех эмигрантов второй волны. Они слишком хорошо знали цену выживания, личной жизни и свободы каждого человека предстала с ним величайшей ценностью. Однако их жизнелюбивые построения притом с болью сочетались с ощущением полной растерянности и неопределенности, тот же странный вид чужого по Ялтинскому соглашению. Окруживший их мир предстал им хотничьим и нестыбильным. Они полностью утратили веру в советские идеалы; в их творчестве советские штампы и реалии либо обличались, либо подвешивались в сатирическом ключе, как в стихотворении Николая Моршен «Квас»:

*Как чай, прихлебывая слякоть,
Лягушки любят покалякать,
Свой быт хвалить, чужой — обквасить,
Сказать свое «Бре-ке-ке-ке!»
Похвастать квасом, простоквашей,
К вам обратиться, к маме вашей
На лягушачьем языке...*

*Суть языка их такова,
Что слышно только ква да ква,
И квази — квамунизм их скважин
Им кажется куда как важен:*

*«Весь мир насилья мы расквасим
В сплошной кавак и кавардак!
Как адекватен, как прекрасен
Рабочий квас и квасный флаг!*

*«Хвалите квасиков, чудак вы:
Пусть течет в искусстве аква
Квасически, как дважды ква!*

*«Нет ягод
Чем буква К — квасивей буквы,
Столицы кваше, чем Москва!»²⁰*

Перед новыми эмигрантами серьезно стояла проблема самоидентификации. Это действительно короткий промежуток

²⁰ Моршен Н. Пуща неволи. М., 2000. С. 269.

времени они приобрели новый социальный статус, новое имя и новую родину, полностью утратив старые связи и возможность вернуться домой. Они, в отличие от предшественников первой волны, «отнюдь не стремились к воссозданию России за рубежом», лишь «хотели обрести мир, безопасную, спокойную жизнь вдали от кошмаров Советской России»²¹, где их объявили изменниками. Им не было свойственно идеализировать дореволюционную Россию, и почти не было свойственной ностальгия. Молодость большинства из них пришлась на 1920 – 1930 гг., и немало многих «выпало или сталинский ГУЛАГ (Б. Ширяев, Н. Нороков, С. Моксимов), или ощущение “вины” за свое происхождение (Дм. Кленовский, И. Елгин, Н. Моршен, О. Анстей, Л. Ржевский, Б. Филиппов)»²². Поэтому И. Елгин в своих стихах вспоминал о России так:

*Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.*

*Оно мне вспоминается донныне,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно»²³.*

Поскольку окружающая реальность утратила четкие границы, предшественников второй волны эмиграции этих лет не могли терзать серьезные экзистенциальные сомнения в ценности земного бытия, сущности Бога, существовании высшей справедливости. Так, например, в первом сборнике стихов Игоря Чиннов «Монолог», вышедшем в 1950 г., эти проблемы стали ключевыми²⁴. Одно из стихотворений здесь явно отсылает к строкам А. Блок «Ночь, улица, фонарь, аптека ...»:

²¹ Раев М. *Россия за рубежом*. М., 1994. С. 17.

²² Раев М. *Указ. соч.* С. 383-384.

²³ «Мы жили тогда на планете другой...» *Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990*. М., 1997. Т. 4. С. 207.

²⁴ В интервью, взятом у него незадолго до смерти, И. Чиннов признался в том, что его отношение к Богу было «одинаково» с отношением Г. Адамовича, который тоже «сомневался»

Кабак, завод, тюрьма, больница
И даже — кладбище вблизи.
Нет, этот городок не снится,
Не чудится. И по грязи

Идут под барабан солдаты
(Казарма — за углом сейчас).
Они ни в чем не виноваты,
Но их убьют. Иль, в добрый час,

Они других убьют. Трезвонит
Звонарь над лучшим из миров,
И так невозмутимо гонит
Хозяин на убой быков²⁵.

В творчестве новых эмигрантов постоянно преобладают тематические построения, связанные с репрессиями и несвободой личности, стыд за свою Родину, за свой народ и одновременно за собственное, ставшее уже привычным ощущение страны. Принципиальной для них стала проблема «тюленьей кожи»²⁶, т. е. возможности компромисса с собственной совестью. В результате постоянных странствий они вынуждены были уезжать к югу из Мюнхена и его окрестностей, так и из Европы в целом. В течение 1950-х гг. в Америку перебрались почти все не менее заметные литераторы второй волны — И. Елгин, О. Анстей, В. Синкевич, Н. Нороков, Н. Моршен, Ю. Ивский, Б. Филиппов и др. Так же появилась возможность у них в 1948 г., когда в США в связи с началом «холодной войны» был принят закон о перемещенных лицах. Статус «ди-пи» стал считаться привилегированным, поскольку он давал право на въезд в США и на определенные льготы. Тогда, в свою очередь, некоторые старые русские эмигранты поторопились «подкорректировать» факты своей биографии, позво-

(см.: Интервью с И. Чинновым // Большев И. Творческий путь И. Чиннова. Дисс. канд. наук. М., 1999).

²⁵ Чиннов И. Собр. соч. М., 2000. Т. 1. С. 65.

²⁶ По названию сборника и стихотворения Н. Моршена «Тюлень», вышедшего в издательстве «Посев» в 1959.

²⁷ Терапиано Ю. Письма // Письма запрещенных людей. По материалам архива И. Чиннова. М., 2003. С. 329.

лив и зыв ть себя предст вителями «новой эмигр ции». Т к, в ч стности, в 1959 г. критик Ю. Тер пи но с удивлением выяснил, что ок зыв ется поэт Дмитрий Кленовский — «ст рый поэт, н ч вший еще в 1912 г.», поэтесс Лидия Алексеев — «белгр дск я “ст р я” эмигр нтк », в то время к к они долгое время «дел ли свою к рьеру н “новых”, пользуясь п спортом “ди-пи” и их привилегированным положением в ред кциях»²⁷.

Зн чительн я групп эмигр нтов-дипишников прибыл в США н военном судне «Генер л Б лу» (н нем в том числе приплыли поэты В. Синкевич, И. Ел гин и его жен О. Анстей). Это небольшое судно, з ст вяющее вспомнить о зн менитом «философском п роходе» 1922 г., по сути, символизиров ло собой м ссовый отъезд русских с территории Ст рого свет и оконч тельный р сп д русской ди споры в Европе. Этот момент вполне можно счит ть поворотным. Именно тогд , согл сно х р ктеристике 1940 — 1950 гг., д нной историком Н. Андреевым, происходил потеря «др гоценных осколков Европы» (половины Герм нии, Центр льной Европы, Б лк н и Д льнего Восток), исчезл русск я школьн я сеть, постепенно н ч л уг с ть русский П риж. Одновременно круг «р ссеянья» русских эмигр нтов ст л зн чительно шире: помимо США, русских эмигр нтов приняли Аргентин , Бр зилия, Южн я Африк , Австр лия, т кже стр ны Европы, въезд в которые р нее был з прещен, — Англия и Исп ния. В 1950-е гг. «гл вным литер турным центром»²⁸ ст л Нью-Йорк. Здесь выходили крупные русскоязычные журн лы «Опыты» (с 1955 по 1958 гг. его гл вным ред ктором являлся поэт Юрий Ив ск), «Новоселье», «Новый журн л» и г зет «Новое русское слово», возникло «Изд тельство имени Чехов », новые «литер турные содружеств », подобные нью-йоркскому Клубу русских пис телей, и периодические литер турные изд ния, т кие, к к “Альм н х” Е. Любин , ежегодники “Побережье” и “Встречи” и долгожитель “Новый журн л” с его р зделом “Поэтичск я тетр дь” способствов ли «творческому

²⁸ Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом // Письма запрещенных людей. По материалам архива И. Чиннова. М., 2003. С. 691.

вз имопоним нию и дружеской вз имокритике»²⁹. Другими слов ми, в Америке сформиров лось новое литер - турное простр нство, внутри которого з ново уст н влив лись связи и возник ли вз имовлияния.

В то же время в литер турном мире русского з рубежья больше не было ни единой доминирующей эстетической уст новки, ни крупных, вторитетных фигур, вокруг которых бы группиров лись все ост льные литер торы. Существов л р знобой мнений, кого счит ть н иболее выд ющимся втором. В широких чит тельских кру - г х предпочтение отд в лось тр диционной поэзии и стих м Ив н Ел гин . Ряд критиков, в свою очередь, отд в л предпочтение творчеству Игоря Чиннов . Т к, в 1965 г. критик Г. Ад мович д же н зыв л его н тот момент «единственным в н шей поэзии м стером, “мэ - тром”»³⁰. С другой стороны, поэт Г. Ив нов³¹ и известный литер туровед В. Вейдле³² выделяли Nikol я Моршен , хотя одновременно его творчество ст лкив лось с пол - ным непоним нием со стороны чит телей, вызв нным его рисков нными поэтическими эксперимент ми.

В целом же в результ те сложных эмигр ционных процес - сов уже в н ч ле 1950-х, по слов м критик Юрия Тер пи - но, н стр ниц х эмигр нтских периодических изд ний «все подлинные поэты, — и “первой” и “новой” эмигр ции слились в одну творческую семью, и противопост вление “ст рых” и “новых” поэтов-эмигр нтов ст ло «бесполезно»³³.

²⁹ Синкевич В. *Поэзия российского Зарубежья (Речь на юбилее Клуба русских писателей)* // *Новый журнал*. 1999. № 216. С. 277.

³⁰ Адамович Г. *Письма И. Чиннову* // *Письма запрещенных людей. По материалам архива И. Чиннова*. М., 2003. С. 130.

³¹ См. Иванов Г. *Поэзия и поэты* // *Иванов Г. Собр. соч.* М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 584.

³² См. Вейдле В. *Двое других (серия статей «Жрецы единых муз»)* // *Новое русское слово*. 1973. октябрь. Эта статья стала причиной серьезной обиды И. Елагина на В. Вейдле, хотя Н. Моршен, являвшийся одним из ближайших друзей Елагина, полагал, что эта статья ничего обидного для его друга в себе не содержала.

³³ Терапиано Ю. *Встречи. 1926 – 1971*. М., 2002. С. 262.